



Николай Морозов.

Семь дней  
**РЕВОЛЮЦИИ!**

ГИЧБ  
М 786 P

событія  
в Москвѣ.

Дневник Очевидца.

1917г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ  
2006

ГН46 Р  
М 786



~~Ссс~~  
~~RR05~~

~~325217~~

47.277 325217

~~39~~

## 27-е Февраля, Понедѣльник.

Пріѣхал в Москву, сижу на вокзалѣ, рядом садится старик лѣтъ семидесяти из зажиточных. После минутнаго молчанія—спрашивает меня: что в Москвѣ то, кажется тихо? Вы относительно—чего,—спрашиваю я—недоумѣвая.

Да относительно революціи? Ничего еще не зная, заинтересовываюсь. А что развѣ—есть гдѣ, что либо?

Да как же, в Петроградѣ—я только что оттуда?

Что же там?

Бог знает, что творится, махнул рукой старичек!..

А, напримѣр?..

Народ бунтуется, требует смѣны власти.

Правительственной?..

Да и правительственной, и всякой.. Стрѣляют, безобразничают!..

Да со мной, вот какой случай: остановился я на Невском, а вужно мнѣ было, на Офицерскую, выхожу, нанимаю извозчика, сажусь, ѣду, проѣхал квартала два, вдруг, какой то хулиган лошадь под узцы, кричит стой!.. возница остановился, тогда он обращается ко мнѣ «слѣзай—барин, плати деньги и иди пѣшком» слѣз, заплатил, а извозчику он говорит: ты пошел домой, да смотри не выѣзжай, а то плохо будет возжи пережем, а тебѣ всынятся!.. Извозчик ударил по лошади—уѣхал, а я пошел пѣшком!..

А трамвай?..

Трамвай давно уже не ходит.. Вот что, дѣлается то..

И все это безнаказанно?..

Да что уж теперь сдѣлаешь, когда говорят войска передались на сторону—народа,—опять махнул безнадежно рукой старичек смотри куда то в сторону...

Мнѣ наняли извозчика, раскланявшись я уѣхал заинтересованный! В Москвѣ тихо! Не чувствуется ничего такого. Остановился в Меблированных комнатах, с усталости—улегся спать...

## 28-го Февраля, Вторник.

Утром мнѣ надо было поѣхать по дѣлу. Выхожу, ожидаю на остановкѣ трамвая, но напрасно, трамваи остановились и не ходят. Хочу взять извозчика, но они уже учли положеніе и просят впятеро..

Пришлось идти пѣшком. На улицѣ тихо. Только какая то напряженность—даже в воздухѣ, какая то тишь, особая молчаливость!..

Затаенности!..

Домой возвращаться пришлось вечером в 8-м часу. Подхожу к Спасским казармам, на Садовой ул. близъ Сухаревой башни,—еквуло и упало сердце!..

Против казарм огромная толпа народа, тысяч в десятки!.. И вся эта громада, волнуется, журчит, как ручей, слышится выкрики мальчишек!.. Ур-а-а!..

В чем дѣло? Спрашиваю...

Народ, зовет солдат!..

Куда?

С собой, просит примкнуть к Революціи...

Как к Революціи?

Да вы, что, только что проснулись чтоли, или дурака ваяете?..

Уже недружелюбно обратился один ко мнѣ. Тут только я понял, почему утром не было газет, почему не ходят трамваи. Дѣло разгоралось не на шутку. Стоял долго ожидая результата, но напрасно! А кругом разговор: небось под замками, солдаты то, что молчат!..

Мороз основательный, очень прозяб и пошел дальше.

Тут же не далеко вновь выстроенный дом «Великан» в котором говорят расквартировано солдат до пяти тысяч человек..

Тут тоже толпа не меньше и тѣже желанія народа!

Вдруг кто то закричал: ура! Толпа подхватила и как бы вздохнула этими тремя буквами!..

В этот вечер—фонари не горѣли, на улицѣ тьма, а дом весь мерцал освѣщенными окнами, находящиеся внутри солдаты, прильнули, лбами к стеклам окон—но, безмолвны?..

С большим трудом пробрался сквозь толпу—и пришел домой взволнованный, с вопросом в воображеніи, что то будет завтра?..

## 1-го Марта, Среда.

Утром встал послал за газетой—нѣтъ газет Наскоро выпив чаю, поспѣшил на улицу.

Вездѣ народ—как будто какое великое торжество, вся Москва—на улицах!..

От Красных ворот, по Мясницкой дошел до Почтамта. Тут какое то сосредоточеніе народа. Тихонько пробираешься поближе я завернул направо по направленію Тургеневской читальни, здѣсь стоит порядочное количество солдат с надѣтыми штыками на ружьях но, спокойно стоят и обзирают кругом расположившуюся публику. Стоят вольно, нѣкоторые разговаривают с отдѣльными лицами из народа.

Народ на лѣстницѣ—почтамта, народ на выступах домов, на тумбах, на плечах друг друга, на столбах и даже на вывѣсках! По Мясницкой—мимо Почтамта—сплошное море голов—на все пространство как в состояніи окинуть глаз...

Вдруг—сразу сильное движеніе, народ заволновался, издалека слышится: ура!.. Все ближе и ближе!.. Толща толпы посрединѣ разступается, виден автомобиль грузовик, а в нем солдаты, студенты и штатскія, ѣдут потрясая—ружьями и пашками. Впереди рабочей выско поднял за древку красный большой флаг, на котором написано: Долой старое правительство!

Да здравствует—Новое!..

Толпа ревет: Ура!..

За первым автомобилем, второй, третій и т. д.

Первый автомобиль подѣжав к входу почтамта, остановился, живо из него всё повывскакали и в Почтамт, из второго тоже из третьяго тоже.

Четвертый проѣхав немного остановился в гущѣ толпы, всё из него повывлезли остался только один студент техник, не смотря на порядочный холод, фуражка у него на затылкѣ, он разгорячен..

Тооварищи!.. В Петроградѣ сметено старое правительство! Власть перешла к вашим представителям, членам Государственной думы!..

Верх на нашей сторонѣ, товарищи!. Да здравствует новое привитель-ство, Ура!.

Кончат с пафосом, с подъемом.

Толпа вопит: Ура.. Долгое и несмолкаемое.

Влет еще автомобиль—также наполненный солдатами, студентами курсистками, гимназистами и вообще молодежью. У них тоже флаг, на нем четыре буквы О. С. Д. П. т.е. организация социал демократи-ческой партіи!. Всё вооружены..

Подъезжает с провожающими криками толпы—Ура!.

Товарищи!. Арсенал сдался!. Арсенал наш.. Ура!.

Народ кричит: Ура!.

В это время на подъезд Почтамта—выходят два молодых воен-ных, и один пожилой—слышится: тише, тише!..

Толпа затихает.

Господа!. Почтамт сдался, все в наших руках!. Вездѣ разстав-лены наши часовые!.

Всѣ кричат—Ура!.. Всѣ задвигались, смѣшались, и некоторые стали влѣзать в автомобили..

А теперь еще за товарищами солдатами „к Спасским Казар-мам“ к дому „Великану“!. Кричит кто то с автомобиля, автомобили дви-нулись—народ с криками: ура—за ними!..

Когда выѣхали на Садовую, справа от „Красных ворот“ несутся звуки музыки.—какого то „бравурнаго марша“ на солнцѣ—на горкѣ, море штыков блестит переливаясь. Впереди два солдата с растяну-тым на ружьях красным полотнищем—аршин шесть в длину и аршина полтора в ширину, без всякой надписи!.

За ними оркестр и рот пять шесть солдат с ружьями на плечах со средоточенно серьезными лицами, сопровождаемые народом!..

Встрѣтили их конечно, восторженными криками: Ура!.. Долго, долго, несмолкаемыми!.

Здрожав от холода и волненія, я с попутным автомобилем доб-рался домой..

Пообѣдав и одѣвшись еще потеплѣй, выйдя, я направился к Покровским казармам!.

И здѣсь огромная толпа и автомобили со студентами, солдатами и штатскими—угроваривающими солдат присоединится!.

Многіе из солдат, в 4-м часу, присоединились и повскакали в автомобили!.

Прапорщик было обратился к солдатам с протестом, и напоми-навием о «присягѣ» но на него закричали, замахали, оружіем и он убѣжал в казармы. В толпѣ разговор: что арестовали командующаго войсками Мрозовскаго, градоначальника Шебеко, и полицмейстера. Между тѣмотряды рабочих с солдатами заняли зданіе „городской думы“, образовался—временный комитет и вышло первое возваніе от социал демократической партіи (прокламація) в котором народ призывался к единенію и строгой организаци, а также приглашался к зданію город-ской думы на завтра второго марта, к 11 часам утра, с тѣм что бы представить их, т.е. народа, высказали свои пожеланія!..

Объявили, что всѣ будут о ходѣ событій—оповѣщаться бюллетен-ями!.. И тут же вышел—бюллетень № 1-й.

В нем всѣ извѣщались, что царю послано председателем Госу-дарственной Думы Родзянко, одна за другой, двѣ телеграммы а) Поло-женіе серьезное. В столицѣ аваржія. Правительство парализован. Транспорт продовольствія и топлива пришел в полное разстройство. Растет общее—недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрѣльба. Части войск стрѣляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріем страны, составить новое пра-

вительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы часть ответственности не пала на «вѣнценосца».

б) „Положение ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будет уже поздно. Настал послѣдній час, когда рѣшается судьба родины и династїи“.

Родзянко— протелеграфировал всѣм главнокомандующим фронтами, вышеприведенныя телеграммы, снабдив их просьбой поддержать, со своей стороны, перед Царем,—его обращеніе...

Отвѣтныя телеграммы гласят: Генерала Брусилова..

„Телеграмму получил. Свой долг перед родиной и Царем исполню“,  
Генерала Рузскаго...

„Телеграмму получил. Порученіе исполню. Сообщалось. еще—о том, что в Петроградѣ выходили к народу из Таврическаго дворца и говорили, вожаки социал—демократїи, члены Госуд. Думы: Керенскїй, Чхеидзе и Соболев...“

Что Петроград в руках представителей народа и в руках революціонеров, что присоединились пять полков: Вольнскїй, Преображенскїй. Литовскїй, Кексгольмскїй и Саперный—полки...

От Покровских казарм, я прошел, к Яузкому мосту и наткнулся на инцидент. Толпа рабочих сѣгнула к думѣ, но им преградили дорогу через мост—цѣпь из городских во главѣ с околочным надзирателем, тут же стояли и солдаты под ружьем...

Толпа желая пройти напирала, городовые не пускали, околочный кипитидся, и кричал, приказывал солдатам даже—стрѣлять...

Солдаты стрѣлять не стали.. тогда околочный бросился к одному из солдат и стал вырывать ружье, конечно солдат недал. В запальчивости околочный выхватил револьвер выстрѣлил, ранив одного из рабочих, моментально получилась свалка, клубок живых тѣл—ничего разобрать было нельзя. шум, выкрики: бей его! Бросай в воду. Вот так.. Опять выстрѣл.. Крики—силыѣе уже азартно...

Солдаты стоят, не принимая никакого активнаго участїя..

Затѣм—наступила тишина, городовые поразбѣжались.

Кто то крикнул: а теперь айда ребята.. И всѣ пошли молча дальше..

Когда всѣ ушли, я подошел к этому мѣсту, снѣг покрыт пятнами крови.. Через перила моста, вниз в Яузу, смотрят солдаты переговариваясь..

Подошел и я к перилам, оно в крови.

Оказывается, убили и сбросили с моста, в воду, под мостом незамершую. Кто говорит одного околочнаго, а кто и еще одного городского, т.е. двоих.. Сам же, я не мог никак разглядѣть в этой свалкѣ—ничего положительнаго. Они ушли не так далеко, и я бросился—их догонять, и с этой толпой пришли на Красную площадь, на эту историческую площадь, на которой не раз рѣшалась судьба Россїи до Петровскаго времени...

Народу видимо—невидимо, как говорится и все это море голов толкует, судят, волнуется, движется и колышется...

Нашей толпѣ дают дорогу, встрѣчая криками Ура.. Голоса—сливаются и мы проходим мимо историческаго музея, направляясь к Думѣ.

Памятник „Минина и Пожарскаго“ увѣнчанъ нѣсколькими красными флагами..

В думѣ засѣдает „временный комитет“—кругом солдаты с ружьями, с красными лентами и бантами на сѣрых шинелях. Здѣсь народу столько—сколько вмѣстило пространство.

Тут же стоят пушки, с направленными жерлами в разныя стороны.

То и дѣло привозят и привозят арестованных: приставов, окологородных, жандармов, и городских, послѣдніе большею частью в штатском—переодѣтые...

Между ними, охранники и сыщики.

Проходим с большим трудом двигаясь дальше.

Навстрѣчу дефилируют отряды войск, теперь уже с начальниками, т. е. не как вначалѣ, или одни, или только с прапорщиками—нѣтъ... Теперь и капитаны и подполковники, и полковники впереди, а на ружьях у солдат красныя ленточки, на фуражках кокарды обернуты красной матеріей...

Их радостно встрѣчают и провожают криками, ура...

Нѣтъ полици, нѣтъ старших чинов ея, порядок же образцовый...

Даже мимо свуют автомобили, звук от их разнородных рожков висит в воздухѣ, почти не умолкая...

Проѣзжают простыя розвальни—наполненныя разношерстной публикой. Тут и рабочій, тут и мужик, рядом возсѣдают—барин или барыня—в дорогом и модном барашковом сакѣ и в шляпѣ с пером, подобрав ноги ѣдет улыбаясь...

Все как то смѣшалось, как бы породнилось и всюду—молодежь и дѣтвора искливно—заявляют о своем присутствіи—своими выкриками.

На стѣнах домов расклѣена—телеграмма от председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, Московскому городскому головѣ М. В. Челнокову такого содержания:

Стараго—правительства не существует, Министр внутренних дѣлъ арестован. Власть временно принята комитетом Государственной Думы, под моим председательством. Войска признали новую власть, Восстановлен порядок в городѣ. Предложил Мрозовскому подчиниться, возложив всю отвѣтственность за возможное кровопролитіе на его голову. Родзянко.

Так как толпа с которой я шел, направилась к Лубянской площади, т. е. по обратному пути—гдѣ для меня уже не представлялось интереса, то я и свернул налѣво к Манежу, с расчетом посмотреть, что дѣлается в Замоскворѣчьи, в этом тихом купеческом мѣстѣ?

Навстрѣчу и по направленію как я шел, конечно масса народу.

Выходя на набережную рѣки Москвы, к Б. Каменному мосту, мнѣ послышалась выстрѣлъ. я прибавил шагу, второй—я побѣжал.

Выбѣгаю на набережную—на мосту, форменная баталія.. И свалка.

Драка происходит между воинскими частями..

Слышатся сухіе выстрѣлы. Шум., Гам..

Народ бѣжит в разныя стороны, пугливо озираясь на мост...

Мимо просвистала пуля—ничего не понимая и видя, что можно погибнуть задаром—я постарался отдалиться от мѣста баталіи т. е. от моста..

Вскорѣ все стихло. Солдаты как то соединились, получилась обшая группа...

Немного времени потолковав и помахав руками—кого то окружив повели по направленію к Городской думѣ. Двоих понесли.. Третьяго повели...

Оказалось, что встрѣтились двѣ партіи воинских частей; части уже примкнувшія к новому строю и части еще—вѣрно державшія своей присягѣ..

По уходѣ солдат—я осмотрѣвъ кровь на снѣгу, до невозможности устал, отправился домой...

По дорогѣ—всюду, та же картина... Разнообразіе внес громкій звонок пожарных—которые явились к городской думѣ—заявить о своем присоединеніи к новому строю и новому правительству...

Дохав частью с попутчиками—автомобилями до своего гнѣзда, записав все под свѣжим впечатлѣніем—ляпнулся в кровать и до 11 часов ночи спал как убитый...

Вскочив в 11 часов я бросился опять на улицу...

У Покровских ворот, на перекресткѣ, стоит милиціонер на плечѣ висит ружье...

Народ кучками... Ведет разговор... Вдруг мимо мчится стрѣлой автомобиль и направо и налево бросает бѣлые листки...

Мнѣ не досталось, прочесть непришлось, поговаривали потом в кучках что это воззваніе стараго правительства, послѣдвія корчи их, как выразился один из рабочих...

Немного спустя другой автомобиль разбрасывал воззваніе от временнаго—исполнительнаго комитета, таковаго содержанія...

Старая власть пала.

Государственная Дума, повинувась своему долгу перед народом и внимая его требованіям, взяла в свои руки власть для установленія новаго государственнаго и общественнаго порядка на началах свободы и справедливости.

Перед Москвой стала задача установить немедленно связь с новой центральной властью и организовать народное правленіе в Москвѣ.

28-го февраля был образован комитет из представителей московскаго городского общественнаго управленія, губернскаго и уѣзднаго земствъ, всероссійских: городского и земскаго союзом, военнопromышленнаго комитета, кооперативов, биржевых и других общественных организацій, а также и представителей совѣта рабочих депутатов.

1-го Марта из состава этаго комитета выдѣлен путем выборов—временный исполнительный комитет, московских общественных организацій в составѣ 15-ти лиц.

Этот комитет взял власть в свои руки, пока новое правительство неорганизуется, новой постоянной власти всѣ распоряженія комитета подлежат безусловному исполненію всеми учрежденіями и лицами.

Населеніе г. Москвы приглашается поддерживать полный порядок и хранить спокойствіе.

Время час ночи, прокричали послѣдній раз—ура.. проѣхавшему автомобилю с солдатами.. И разбрѣлись всѣ по домам..

## 2-е Марта, Четверг.

Сегодня праздник.. Праздник «Краснаго флага и красной ленточки» Из десяти человек—восемь украшены ею. У кого в петлицѣ, у кого на лѣвой части груди. у кого на плечѣ...

Барышни с шолковыми бантами, кавалеры в красных галстуках..

У нѣкоторых военных и чиновников—кокарды на картузах обернуты красным, а у дам даже пуговицы на пальто.

Послѣ трехдневнаго перерыва выхода газет—сегодня вышли шесть...

Брали их конечно с боя, продавали по двойной цѣнѣ.

Русское слово<sup>4</sup> вышло с оглавленіем крупно: Паденіе стараго власти.

Раннее утро с оглавленіем: Исполнительный Комитет Государственной думы и портретами: М. В. Родзянко в вѣнкѣ кругом двѣнадцать депутатов: П. Н. Милунов, А. Н. Ионовалов, Н. С. Чхейдзе, В. А. Ржевскій, Н. В.

А. Ф. Керенскій, В. Н. Львов, И. М. Шидловскій, В. В. Шульгин, Б. А. Энгельчарт, М. А. Караулов.

Утро Россіи с оглавленіем: Да здравствует освобожденная Россія... Да здравствует Народное Представительство... Да здравствует Армія и Флот..



Московский листок с оглавлением: Обновление России...

Газета кофийка с оглавлением: Да здравствует Армия и свободный народ. И так—Ура.. Великая волна народного движения в знаменательный сей день второго марта, роковые «Мартовские иды» перекатились через рухнувшую глухую стѣну самодержавнаго строя...

Прочел вновь расклеенную телеграмму: Коммисаром г. Москвы и Московским главноуполномоченным по продовольствію—назначен Государственной Думой, бывший Москов. Город. голова М. В. Челноков, и ему обязаны подчиниться всѣ правительственныя учрежденія г. Москвы. На улицах небывалое и неисчислимое количество народу...

Громадныя очереди у стоянок газетчиков, всѣ с бумажками, со свернутыми газетами в руках, с газетами торчащими из карманов...

И всѣ с необъяснимо встревоженными—чего то ожидающими лицами... Проходят взводы солдат с красными флагами на ружьях... Народ снимает шапки, потрясая в воздухъ и кричит, Ура...

Проѣзжает ли автомобиль с обязательным красным флагом—тоже самое...

Извозчиков ни единого, они в народѣ, лошади отдыхают, у них тоже забастовка...

Первое, что во всѣх газетах бросается в глаза—это заголовок крупно:

Судьба династїи.

1 го Марта в четыре часа утра Государь прибыл в Царское Село. Пробыл он там недолго. Государыня в истерекѣ. Наследник болен; температура 39,9.

Государь прїехал в Царское Село с генералом Ивановым, который должен был выступить в роли диктатора, как только Государь увидѣл, что всѣми покинут, он тотчас же уѣхал, но был остановлен на ст. Бологое и задержан. Оттуда он будет отвезен в Псков.

Окончательнаго рѣшенія вопроса о судьбѣ династїи и о формѣ правленія пока не принято.

А. И. Гучков проектирует предложить Государю подписать акт об отреченїи.

Передают слова А. И. Гучкова, который на вопрос:

— Если он откажется подписать акт, что тогда дѣлать?

Отвѣтил:

— Божья воля! Волны народнаго гнѣва смоят династію.

Как рѣдкій историческій акт—нахожу нужным помѣстить—здѣсь!..

Находясь у Красных ворот, пошел по Мясницкой, меня окрикнули, оказывается знакомый манит и зовет, в его автомобиль, я конечно с радостью!.

Бдем шагом, за невозможностью двигаться в толпѣ быстрее!..

у Почтамта, своротили, и поѣхали по бульварам, ѣхать конечно свободнѣе!.

Картины с высоты—из автомобиля, еще грандіознѣе!.. Бдем непрерывно трубя—здѣсь народу меньше—но все таки порядочно!..

Прїятель ѣдет домой, живет он за Москвой-рѣкой, зовет к себѣ, но мнѣ это не улыбается, прошу меня завезти подальше—что бы идя отсюда я мог, наблюдать возможно болѣе мѣст!..

У Храма Христа Спасителя, на набережной—огромнѣйшая толпа, против монумента Александра III.

На колънях бронзовой фигуры Александра—стоит выпрямившись рыжеватый рабочий, в плюхеньком пальтишкѣ на распахку и размахивая красным платком или тряпкой—покраснѣв—кричит; товарищи! Отсюда с этого чугуннаго кресла, на вас глядит тяжелый режим—то что перековывало нашу свободу в желѣзныя цѣпи! Проповѣдывало рабство и держало Россію в кандалах!.. Товарищи!..

Удивительное зрѣлище! Говорит мой спутник... Соціал-демократ на колѣняхъ жесточайшаго абсолютиста!..

Товарищи! Вонъ ѣдутъ конные городовые!.. Оборачиваемся—дѣйствительно ѣдутъ!..

Товарищи! Снимемъ ихъ съ коней, довольно имъ властвовать надъ нами. В толпѣ движеніе! Всѣ оборачиваются в ту сторону—куда указываетъ рукой рабочий!..

Бросаются к городovým—миг и ихъ уже сняли слошадей и обезо-

Ведите в думу ихъ, в думу! Кричитъ рабочий!..

И ихъ повели!.. Городовые, какъ овцы и не рискнули защищаться!..

Я не вытерпѣлъ и выскочив изъ автомобиля—пошелъ за ними!..

Подходимъ к Кремлю, слышится звукъ пропеллера!.. смотрю къверху—аэропланъ—пишетъ восьмерку—показывая выкрашенный в красный цвѣтъ—руль глубины!..

Народъ кричитъ: нашъ, нашъ, ура!

Со всѣхъ сторонъ, все прибываютъ и прибываютъ войска!

Вотъ части, прибывшія изъ Рязани для усмирѣнія и примкнувшія!

Вотъ артиллерійскій паркъ съ Ходынки, расположилъ съ пушками и зарядными ящиками.

Вечерѣет!..

Снопъ прожектора обливаетъ яркимъ свѣтомъ куполъ Кремля.

Молитвенно складывая руки, что то бормочетъ старый Мулда в чалмѣ.

Москва Самодержавна!

Москва на небываломъ положеніи!..

Москва неузнаваема!..

Но хочется взойти туда откуда все это такимъ, гремучимъ потокомъ льется. В Городскую Думу, подъ этотъ развивающійся красный флагъ надъ входомъ!.. Долго я изощрялся, изрядно озябъ, но наконецъ съ какой то кучкой депутатовъ отъ кого-то, мнѣ удалось втиснуться— в группѣ в двери думы—получивъ предварительно два хорошихъ толчка в грудь, отъ студента грузина в огромной папахѣ, который волнуясь, надрыываясь до хрипоты, старался никого не пускать, что то кричалъ—про какой то бой, который, будто бы долженъ былъ начаться сейчасъ!..

Наконецъ, все таки я в думѣ, прихожую не узнаешь, вездѣ военныя шинели!..

Два солдата съ шапками наголо, ведутъ подъ руки полицейскаго офицера, не то пристава, не то—помощника. Взираюсь съ кучкой въверхъ по лѣстницѣ и попадаю в „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“ в третьемъ этажѣ!..

Стоящій на стулѣ кто то—кричитъ: Господа! Вотъ человекъ которому принадлежитъ власть в Москвѣ!..

Вотъ командующій народными войсками, это Грузиновъ—уполномоченный—по продовольствію!..

Громъ рукоплесканій и ура!..

Грузиновъ отвѣчаетъ: я исполнилъ свой долгъ! И кстати докладываетъ о взятіи арсенала, об артиллеріи, которая в его распоряженіи, у насъ 16 пушекъ!..

И опять—аплодисменты.

Занятъ почтамтъ и телеграфъ, заняты всѣ вокзалы.

Кишкинъ (это онъ стоялъ на стулѣ, когда я вошелъ) представляетъ собранію другаго, который началъ вчера ночью съ тремя ротами—дѣло освобожденія, занялъ думу и сконцентрировалъ вокругъ нея войска! Это прапорщикъ Ушаковъ!.. На стулѣ появляется молодое лицо, которое смущенно кланяется на аплодисменты!..

Грузиновъ говоритъ: я преклоняюсь передъ нимъ и в знакъ глубокой благодарности—я попрошу позволенія поцѣловать его!..

Публика вопит ура!..

Ну, господа, заниматься, заниматься!.. Пожалуйте полномочия— когда шум поутих—заявил кто-то?! Я удрал, чтобы не попасть в глупое положение и прямо направился к выходу.

Кругом ружья с поблескивающими штыками, даже жутко.

Вышел на площадь, на встречу все ведут и ведут арестованных.

Итак от лица „Временного Правительства“ командующим войсками военного Московского Округа, назначен подполковник Грузинов.

В народъ раздают новые листки с такимъ содержанием:

Граждане!

Крайне важно скорѣйшее установление порядка—только тогда без жертв и колебаній закрѣпится окончательная побѣда народа. Споспобствуйте созданию и поддержанію порядка.

Подчиняйтесь патрулям.

Во главѣ патрулей стоятъ постовые начальники с бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ.

Каждый час дозорный автомобиль с бѣлымъ флагомъ объѣзжаетъ патрули на углах и принимает доклады отъ постовыхъ начальниковъ.

Результатъ объѣзда дозорный автомобиль сообщаетъ въ бюро.

Постовые начальники мѣняются каждые два часа.

Постовые начальники слѣдятъ за тѣмъ: 1) чтобы патруль стоялъ в одномъ пунктѣ под ружьемъ; 2) чтобы не допускать пьянства; 3) чтобы не допускать стрѣльбы безъ приказаній; 4) чтобы предупреждать и не допускать грабежа лавок и поджоговъ.

Народ на Воскресенской площади—противъ думы, кучками и почти в каждой кучкѣ—говорятъ рѣчи.. Проходитъ молодой прапорщикъ, почти в уор—ятыкается на солдата—стоящаго и слушающаго у кучки оратора, посмотрѣлъ на прапорщика—чести не отдастъ..

Офицеръ сдѣлалъ замѣчаніе..

Солдат, что то отвѣтил—завязался спор..

Солдатъ снахальничал..

Офицеръ в азартѣ выхватилъ пашку и бросился на солдата..

Но толпа слѣдила.. миг!.. Пашку у офицера выхватили, изломали в куски и бросили под ворота дома Корзинкина..

Солдата затерли в толпу.. а офицеръ ушелъ окруженный народомъ по направленію к Тверской. Вдругъ раздались крики мальчишекъ: „жандармы“, „жандармы“!.. Все бросилось в разныя стороны, кто, куда!..

Но потом, конечно оказалось все это, шалостью маленьких хулиганов. Побродивъ еще немного и слишкомъ утомившись, съѣлъ на попутнаго домового и добрался домой за три гривенника..

Ночью выходилъ но, интереснаго ничего, не оказалось..

### 3-е Марта, Пятница.

Сегодня рѣшилъ осмотрѣть „охранку“ т. е. знаменитое охранное отдѣленіе“ которое старались сжечь.. Говорят, что сами охранники..

По дорогѣ приблизительно та же картина. Слуютъ автомобили, но уже быстрѣе и с меньшимъ количествомъ лицъ в нихъ, со строго дѣловымъ выраженіемъ на лицѣ. Это продолжаютъ аресты, реквизируютъ запрятанные товары—первой необходимости—главное конечно муку..

Ищутъ спирт и вино..

Встрѣтилась преинтересная процессія: Масса подводъ нагруженныхъ мукой и на возу, на мѣшкахъ сидитъ старый убѣленный сѣдинами старикъ в нахлобученной пашкѣ на низко наклоненной головѣ и весь с

головы до ног осыпанный мукой, так что производит впечатлѣніе алебастровой статуи...

Это оказывается нашли спрятанной массу муки на Зацѣпѣ, у какого то Козлова...

Народ подпускает шуточки...

Эн как наѣлся, — наружу вышла. Папаша—а, что теперь скажет мамаша!..

Эх ты старина—не даром посѣдѣл—это от муки! И т. д.

Раздают листки—возваніе к рабочим...

Рабочіе Москвы!

Возвращайтесь немедленно на ваши заводы. Теперь всё видѣли и знают вашу готовность спасти Родину. Докажите же и арміи вашу заботливость о ней дайте необходимых ей снаряженіе и продовольствіе. Помните, что враги Арміи и Родины не дремятъ.

То и дѣло попадаются, теперь уже пѣшком десятки городской милиціи, студенты, взрослые гимназисты, мельникет и штатскій, по три человѣка в ряд и справа десятый—якобы офицер, всё вооружены ружьями...

На проѣздѣ Цвѣтного бульвара в домѣ Лазорека, помѣщается участок, около толпа..

Подхожу, спрашиваю, в чем дѣло?..

Полицейских ловят!..

А сами не сдаются?..

Куда тут... такую стрѣльбу открыли!

Откуда?

Да из участка!

Но вот одного выловили, ведут... На грѣх попал полный.

Толпа ревет; а а а!.. Ура!..

Слышатся замѣчанія; ишь какой, как боров!.. Вот бы к Рождеству то, хоть куда! Ха, ха, ха...

Беру газету—читаю: Заявленіе министров о предстоящем отреченіи Николая II-го и о назначеніи регентом великаго князя Михаила Александровича. Новый совѣтъ министров с кн. Г. Е. Львовым во главѣ рѣшил настаивать на отреченіи Государя Николая II от трона.

Государь, поѣзд котораго задержан и стоит на станціи Бологое Николаевской ж. д., изъявил согласіе отречься от престола.

Новое правительство настаивает, чтобы Государем был подписан официальный—торжественный акт об отреченіи.

Рѣшеніе новаго правительства безповоротно.

Преслѣдуя свою цѣль—осмотр „охранки“ направляюсь по бульварам, в Гиздниковскій переулочек—на Тверской...

Там этот мрачный с рѣшотками в нижнем этажѣ двухэтажный дом выходящій фасадом в переулочек...

Как говорили утром рано ожидался обыск.

Пожар начался в 6-м часу утра...

Когда пріѣхали пожарные, зданіе оказалось запертым...

Внутри зданія в нижнем этажѣ бушевало пламя..

Взломали двери, пожарные проникнули в середину—то горѣло в разных комнатах..

Людей в отдѣленіи—никого...

Во время тушенія были звуки взрывов, это вѣроятно варывались ружейные и револьверные патроны...

Погорѣло масса документов, и также почти весь архив...

Конфисковано и взято в думу, масса оружія—находящагося в специальной кладовой—которая была заперта и ее пришлось вламывать...

На улицѣ масса обгорѣлыхъ бумагъ, тетрадей, папокъ, фотографическихкихъ карточекъ, навалены обгорѣлыя доски, вѣроятно—перегородки... Мѣдная доска на парадной двери сорвана—и остался один уголокъ с винтомъ...

Такъ разрушилось это вѣковое гнѣздо—охраны...

Вышелъ на Тверскую, тут раздавали новое воззваніе к гражданамъ Москвы...

### Граждане Москвы!

Слуги стараго правительства не смѣя выступать открыто, исподтишка подстрекаютъ к погромамъ и грабежамъ, дѣйствуя на темныя инстинкты. Передѣтые жандармы, городовые, шпіоны и сыщики вмѣстѣ с пьяными и хулиганами, прибѣгаютъ к погромамъ,—старымъ, испытаннымъ средствамъ разбитаго самодержавнаго режима.

Граждане! Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ обращается к вамъ с призывомъ: не допускайте погромовъ.

Всѣми силами и мѣрами присѣкайте всякую попытку к погромнымъ дѣйствіямъ.

Арестовывайте погромщиковъ и доставляйте ихъ в зданіе Город. Думы. Организуйтесь в отряды народной милиціи.

Только успѣлъ дочитать, какъ услышалъ восторженные крики. Ура...

Оказывается это ѣдетъ, новый командующій войсками Грузинов...

Появляется шестіе арестованныхъ конвоированныхъ милиціонерами и солдатами...

Грузиновъ—обращается с вопросомъ; неужели вы в такой великій день не поймете, кому вы служили и кому надо служить?!

Мы понимаемъ—указывая на красные банты, которыми они были украшены—отвѣтили арестованные полицейскіе...

Отпустите ихъ... Распоряжается Грузиновъ...

Мы боимся! Вопятъ полицейскіе. Солдаты проводятъ васъ... ради великаго дѣя—процаю васъ... Но смотрите! Погрозилъ пальцемъ Грузиновъ...

Народъ провожаетъ опять криками ура!..

Опять раздача листовъ—обращеніе к населенію и солдатамъ...

Граждане и солдаты!..

Дѣло сдѣлано—переворотъ совершился. Долгъ каждаго вернуться к своей работѣ.

Скорѣй по домамъ и казармамъ.

Побѣда требуетъ от насъ порядка, скопища на улицахъ мѣшаютъ работѣ. Кто останется в толпѣ,—тотъ сознательный врагъ родины!..

Подходя къ думѣ наткнулся на новую процессію: четыре студента с браунингами и нѣсколько солдатъ с обнаженными пашками ведутъ бывшаго Московскаго Градоначальника В. И. Шебеко и его помощника В. И. Назанскаго.

Шебеко держится бодро—очень блѣдный, в военной формѣ но безъ обычнаго монокля...

Назанскій—улыбается и на видъ совершенно спокоенъ.

В народѣ крики одобренія и насмѣшки...

Забылъ написать о монументахъ:—Пушкину воткнули за обшлагъ рукава правой руки и под мышку, два красныхъ флага, а на постаментѣ одинъ флагъ с надписью—стерлось не разберешь, а другой в видѣ широкаго знамя—на которомъ написано:

Товарищъ вѣрнъ взойдетъ она  
Заря плѣнительнаго счастья,  
Россія воспрянетъ ото сна,

И на обломках самовластья—  
Напишет наши имена...

Пушкин—Чаадаеву.

На постаментъ в вѣнкѣ, стоит горшочек красныхъ тюльпанов—бачочка любовно обернута в двѣтвую гофрированную бумагу. Против генерала губернаторскаго дома памятник героя турецкой войны Скобелева...

Он несется на лошади, подняв высоко шпагу... На шпагѣ развѣивается—привязанный к ней кусок красной матеріи.

Рука правая тоже обвязана, а у солдата в боковой группѣ перевязь красная, в видѣ ленты через грудь...

Принтересный рассказ мнѣ пришлось выслушать в кофейной, куда я зашел со знакомым погрѣться:

Около Бутырской тюрьмы, на Лѣсной улицѣ, стояли два грузовика автомобиля, дожидаясь политических—которых освобождали... Вдруг откуда не возьмись полковник с какими то солдатами, осадил автомобили—отняли оружіе у находящихся в них нижних чинов и милиціонеров, освободили арестованных надзирателей тюрьмы—вооружил их отнятым оружіем и приказал разсѣять солдат и стрѣлять... Завѣдующій грузовиками назвал это провокаторством и заспорил с полковником, тогда полковник выстрѣлил не один раз, ранил завѣдующаго, объявил арестованным и под конвоем отправил его в думу...

По выясненіи в думѣ, пріѣхали к тюрьмѣ—полковника с солдатами уже не было, он скрылся...

На Никитской из электро-театра „Увѣиѣ“ по пробѣжающим солдатам и офицерам была открыта безпорядочная стрѣльба... Офицер произвел команду—на изготовку, но... куда стрѣлять...

Проходящая тут же публика бросилась в разныя стороны...

Были раненые, но сколько не знаю, потому сам ушел...

Послѣ оказалось один был убит наповал...

Уже подходя совѣм домой, на углу Доброслободскаго переулка на Садовой кофейная армянина для средняго класса—много их пооткрыли послѣднее время и всегда онѣ мнѣ казались подозрительными...

Оказывается тут обыск—народу набирается все больше и больше. Немного погодя, вынесли ящик с бутылками спирта и вывели хозяина—чернаго человѣчка...

Поставили ящик на подводу, посадили на него армяшу и повезли.

Кругом хохот... Свист и насмѣшки... Допродавался... Поднажился...

Пора. По дѣлам вору мука... 24 рубля брал за бутылку...

С нами храбр был—посмотрим как там...

Проводили и стали расходиться...

Пошел и я к себѣ, буквально—инвалид и с чугунной головой...

Такая масса смѣны впечатлѣній, такой калейдоскоп, и все так необычно и ново... Что воспринимающіе центры положительно заклебнулись...

Утро вечера мудренѣе как говорят...

## 4-е Марта, Суббота.

Сегодня я мало, что смогу написать в этот дневник слишком переутомился за эти дни.

Только к вечеру я передохнул и отправился опять таки пѣшком, извошки хотя и повыѣхали но, в малом количествѣ и учтя момент и это количество дерут, вдесятеро.

Трамваи все еще не ходят, да и рельсы так затоптаны за это время, что санитарные вагоны красного креста идут тихо, тихо и с ревом... Так тяжело двигаться по затоптанным рельсам...

Первое что бросилось мнѣ в глаза, это новенькая вывѣсочка на домѣ гдѣ помѣшалась яузская часть, над вывѣской—бывшей раньше „Яузская часть 1-го уч.“ висит новая чистенькая „Это владѣніе принадлежит Городской управѣ“. Автомобили продолжают снова, — но меньше.

Работа по организаціи движется, работа в г. думѣ кипит.

Многое, ах как много надо сдѣлать многое организовать. Наладить, воскресить, построить на новых началах, так как все почти во многих организаціях уничтожено, умерло—стерто с лица земли. Вездѣ и во всем, новый дух, новое строительство дѣла, и новое вѣяніе, новая метла...

Сегодня Москва через газеты получила извѣстіе, что второго Марта в г. Псковѣ, в вагонѣ на станціи, Царь Николай II отрекся за себя, и за сына, Наслѣдника Алексѣя, от престола...

Привожу текст манифеста цѣликом:

Божію милостію Мы, Николай второй, император всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всѣм нашим вѣроподданым. В дни великой борьбы с вѣдшим врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новыя тяжкія испытанія, начавшіяся внутренніи народныя волненія грозят бѣдственно отразиться на дальнѣйшем веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогое нашего отечества требует доведенія войны во что бы то ни стало до побѣддаго конца, жестокой враг напрягает послѣднія силы, и уже близок час когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными союзниками нашими, сможет окончательно сломить врага.

В эти рѣшительные дни в жизни Россіи покли мы долгом совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣх сил народных, для скорѣйшаго достиженія побѣды, и в согласіи с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола государства Россійскаго и сложить с себя верховную власть.

Не желая разстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наслѣдіе наше— брату нашему великому князю—Михаилу Александровичу, благославляя его на вступленіе на престол государства Россійскаго, заповѣдуем брату нашему править дѣлами государственнымъ в полном и ненарушимом единеніи с представителями народа в законодательных учрежденіях на тѣх началах, кои будут ими установлены, принеся в дом ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всѣх сынов отечества к исполненію своего святого долга перед ним повиновеніем царя в тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ с представителями народа, вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможет Господь Бог Россіи.

„Николай“.

Как произошло отреченіе...

В Псков прибыли два члена Госуд. Думы.

В присутствіи генерала Рузскаго, Фредерикса и Нарышкина в вагонѣ за маленьким столиком члены думы рассказали Царю о послѣднихъ событіяхъ в Петроградѣ и посоветовали ему не посылать с фронта эшелонов,—так как это безцѣльно, всѣ войска, входящія в Петроград присоединяются к возставшим.

Я уже отдал распоряженіе, чтобы эшелоны вернулись—сказал Царь... Послѣ минутной паузы Царь тихо спросил:

Что же мнѣ дѣлать?

Отрѣчься от престола, в пользу сына вашего Алексѣя—послѣдовалъ отвѣтъ... Мнѣ было бы очень тяжело разстаться с сыном.

Я отрекись от престола в пользу моего брата Михаила.

Я подишу отречение за себя и за моего сына, но пусть Михаил, принявъ корону, присягнет конституціи.

Послѣ этого Царю был вручен акт об отреченіи...

Царь подписал...

Послѣ полученія манифеста Николая II, Совѣтъ Министров в полном составѣ поѣхал для переговоров к великому князю Михаилу Александровичу... Великій князь отказался вступить на престол до созыва учредительнаго собранія...

Обратился князь и к народу, с такимъ воззваніем:

Тяжкое бремя возложено на меня—волю брата моего, передаваемаго мнѣ Императорскій всероссійскій престол в годину безпримѣрной борьбы и волненій народа.

Одушевленный единою со всѣм народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе в том мнѣ случаѣ воспринять верховную власть, если таковая будет волею великаго народа нашего, которому и надлежит всенародном голосованіем избрать представителей своих в учредительное собраніе, установить образ—правленія и новые основныя законы—государства Россійскаго.

Поэтому призывая благословеніе Божіе, прошу всѣх граждан державы Россійской подчиниться временному правительству, по почину Госуд. думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайшій срок на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія учредительное собраніе своим рѣшеніем об образѣ—правленія выразит волю народа.

«Михаилъ».

Преоригинальныя картины пришлось мнѣ наблюдать. Начинало смеркаться и многіе приступили к снятію с вывѣсок—привилегій, орлов и царских гербов.. На дѣлѣ поставленной к вывѣскѣ, парень отколочивает и снимает герб или что другое, а внизу стоит хозяин или завѣдывающій, дѣлает указанія, и все это спѣшно и лихорадочно..

Проходящіе рабочіе и хитрованцы—острят по носу то, по носу ему!.. Вон на медаль то... дай ему и т. д. А мимо нѣтъ, нѣтъ да проведут арестованнаго какаго нибудь... Доплелся до гор. думы то и дѣло поджигают автомобили, народу уж совсѣм—не так много...

То было в Москвѣ мрачно, освѣщенія мало, всѣ уменьшено, а теперь вездѣ масса свѣта, и вездѣ по обыкновенію—свѣтло...

В Москвѣ новая острота: нѣмец выдумал „606“, а русскій 3 и 3 т.-е. три тысячи штрафа или 3 мѣсяца сидѣть...

Но что за время, что за дни...

На порогѣ весны,—зацвѣтает весна Русской жизни.

Революція, расправляет свои крылья спокойно, прекрасно, как парящій в небѣ гигант орел...

Есть, что то опяняющее в воздухѣ.

Триста лѣтъ человечество было в невидимых оковах, было в цѣпях из поколѣнія в поколѣніе, и вдруг они оказались слабой паутиной.

Сколько было поползновеній, сколько было вдохновителей и раньше но, всѣ они увядали на расцвѣтѣ.

Но вот наконец настал момент, вдохновился весь народ, понатужился и оковы распались, мало того расплозились свободно и тихо, как будто так и надо...

Ветером дожась спать—узником русскій народ—утром проснулся свободным гражданином, свободной Россіи, великой Россіи, от сил и богатства которой трепещут враги!..



## 5-го Марта, Воскресенье.

Спѣшу на назначенный смотр и парад войскам на „Красной площади“. Солнечный веселый день, но довольно изрядный мороз.

Революція, русская революція не имѣющая ничего почти общаго ни с одной революціей в мірѣ...

Когда прѣхал на Красную площадь, казалось, что все население Первопрестольной здѣсь...

Лобное мѣсто, это мѣсто крови, мѣсто казней—сейчас представляет из себя—живой клубок человѣческих тѣлъ.

Всюду гдѣ только можно приткнутся—торчат и висят люди; на деревьях—вдоль Кремлевской стѣны, на водосточных трубах, на столбах трамвая, на фонарных столбах, на карнизах Верхних торговых рядов и Историческаго музея, даже на крышѣ часовни рядом с Никольскими воротами и крышѣ часовни—рядом со Спасскими воротами... Вездѣ народ...

Лѣс флагов и знамен с так недавно запрещенными надписями... Мозумент „Минина и Пожарскаго“ также во флагах..

Поэтическая надпись: „Утро свободы сіяет радостным свѣтом“...

Всюду фотографическіе и кинематографическія аппараты...

У памятника Минина и Пожарскаго собрались люди, пять дней назад ждавшіе каждый час смерти, а теперь держащіе в своих руках судьбу Первопрестольной Москвы...

Комиссар М. В. Челноков, Градоначальник С. М. Леонтьев, Предсѣдатель Московскаго Исполнительнаго Комитета Н. М. Кишкин, Секретарь его, А. А. Титов, Начальник милиціи А. М. Никитин...

Тут же в отдѣльной группѣ; иностранные консулы.

Военных группа малюсенькая человекъ пять шесть, этого блеска немного...

За то из Бремлевских соборов, через Спасскія ворота, приближается к памятнику крестный ход...

Ярко золотыя праздничныя рясы купаются в солнечных лучах, вот это наружно блестит так, что глаза больно...

Торжественно и радостно гудят колокола, не смотря на пост...

Но, чу!.. Слышится вдалекѣ, Ура! Катится звук, ближе, все ближе.

И наконец ухнуло уж на площади перекатывающіеся с конца в конец, громовое ура...

У памятника появляется верхом на лошади командующій войсками К. Е. Грузинов со своим малочисленным „молодым штабом“... Начался молебен...

Не смотря на холод—народ обнажает головы..

Многая лѣта и крестный ход пошел обратно...

Еще во время молебна высоко в воздухѣ появляются два аэроплана, один из них, послѣ молебна, спускается, низко, низко и что то бѣлое отрывается от аэроплана и падает в толпу...

Оказывается завернутый в бѣлую бумагу букет красных тюльпанов, перевитый красной лентой с надписью „Да здравствует первый народный главнокомандующій Грузинов“.

Букет передали Е. А. Грузинову и—он не разставался с ним все время парада и держал в лѣвой рукѣ...

Е. А. Грузинов обратился с краткой рѣчью к народу, приближенно такого содержанія:

Вы видѣли что побѣда на нашей сторонѣ.. Возврата к прошлому нѣтъ не может быть и не будет. Побѣда находится в вѣрных руках, и нѣтъ той силы, которая ее вырвала бы. Будьте же спокойны... Вернитесь

же к своим обычным занятиям и берите—примёр дисциплины у солдат, которые сейчас пройдут перед вами...

Загъм говорил его помощник Генешта...

Это движение не только народное, это—также движение армии.

Теперь цѣли движения достигнуты. Старой власти больше не существует. Давайте же теперь вмѣстѣ устанавливать порядок. Армия не будет нарушать порядка в народѣ, народ не должен нарушать порядка в армии...

Команда на караул...

Войска берут на караул...

Грянул оркестр—церемональный марш...

Начали дефилировать войска...

У одного полка, рядом с полковым знаменем—красное знамя с надписью: „В единеніи силъ—Армія и Народ“.

Проходят ополченскія дружины, у всѣх зеленныя знамена, у знамен однако необычный вид, на них нашиты красныя полосы, а в словах „За вѣру, Царя и Отечество“ на мѣстѣ средняго слова—или дыра или нашита красная матерія, выходит: „За вѣру и Отечество“.

Но вот, картина—впервые...

Казяки на своих горбоносых лошадях с пиками, украшенные цвѣтами свободы, дефилируют перед свободным народом...

Ущипайте меня—говорит сосѣд, а то я думаю, что это мнѣ снится...

Вдѣт пушки „народныя пушки“ нѣсколько минут продолжается дефилированіе артилерійской бригады, замыкает шестіе автомобильная рота.

Бишкин с автомобиля кричит: Граждане Москвы...

Вождю народных войск, всенародное спасибо... Ура...

Ура... Перекачивается с одного конца огромной площади на другой... Парад кончен...

Конец дома дома Романовых—кричат разносчики вечерних газет.

И народ стал с разговором расходится расхватывая газеты.

Пошел и я. А в думу все продолжают приводить с саблями наголо и военных и полицейских и штатских, поговаривали, что это сыщики провокаторы, и подстрекатели на погромы, и заступники монаршей власти...

Происходит подвоз, припрятанных—продуктов: везут мясо, муку, водку, коньяк, разныя вина, а водка еще старой заготовки, с казенными печатами...

Слава Богу.. Совѣт рабочих рѣшил ликвидировать забастовку...

Говорят — завтра пойдут трамваи и так кажется все пришло уже к желаемому знаменателю... Теперь только слово, за Учредительным Собранием...

Москва на новых началах...

Москва свободна—от полиции, жандармерии, от темных сил... Вверху пролетѣлъ во—которому вѣрят, довѣряют.

Значит пока, все Слава Богу...

Так неожиданно, тихо, почти безкровно—прошли событія нѣскольких первых дней. Революціи Россійской в Москвѣ...

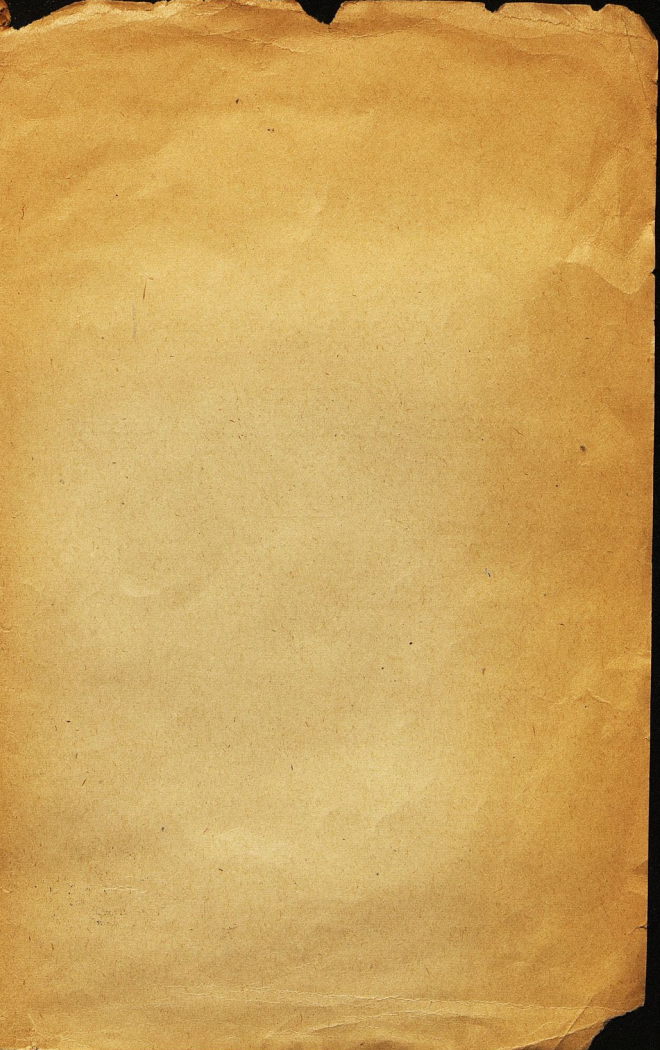
Величайшаго акта в исторіи—славной Россіи...

С нами Бог!!!

Вперед! За работу для войны и созиданія строя!



315217



СКЛАД ИЗДАНІЯ:

Москва,  
Верхняя Масловка, д. 69, Аронсон,  
кв. 1, Н. К. Морозов.

---

Цѣна **40** коп.



**МОСКВА**

Типографія „ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“, Мясницкая 13. Телефонъ 2-36 87.

**1917.**